

ВСЕОБЩАЯ ИСТОРИЯ И МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: История. Международные отношения. 2023. Т. 23, вып. 3. С. 327–337

Izvestiya of Saratov University. History. International Relations, 2023, vol. 23, iss. 3, pp. 327–337
<https://imo.sgu.ru> <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2023-23-3-327-337>, EDN: YBLJEM

Научная статья
УДК 94(410-25+4-21)|1337/1360|

Лондон и города континентальной Европы в первый период Столетней войны

Л. Н. Чернова

Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского, Россия, 410012, г. Саратов, ул. Астраханская, д. 83

Чернова Лариса Николаевна, доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой всеобщей истории, larisachernova@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-5379-1470>, AuthorID: 472830

Аннотация. В статье рассматриваются отношения Лондона и городов континентальной Европы в первый период Столетней войны. Показано, что начало конфликта для горожан Лондона было сопряжено с необходимостью укреплять безопасность города, поставлять вооруженные отряды, субсидировать корону. Сохранялись контакты Лондона с городами континентальной Европы, прежде всего, Фландрии, «Английской Гаскони» и Нормандии. Важнейшим направлением коммуникации оставалась торговля, реализовывавшаяся в разных организационных формах, с широким использованием кредита. Сферами для взаимодействия также были возврат беглых учеников, разрешение имущественных и наследственных споров, вопросы о компенсации в случае грабежа и убийства купцов. Формулируется вывод о том, что Столетняя война создавала дополнительные возможности для обогащения, но и увеличивала риски, которые должны были учитывать горожане.

Ключевые слова: Лондон, города Фландрии, города Франции, Столетняя война, политика городских властей, защита города, пиратство, торговля, кредит, беглые ученики, имущественные и наследственные права

Для цитирования: Чернова Л. Н. Лондон и города континентальной Европы в первый период Столетней войны // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: История. Международные отношения. 2023. Т. 23, вып. 3. С. 327–337. <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2023-23-3-327-337>, EDN: YBLJEM

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

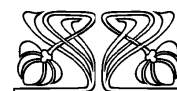
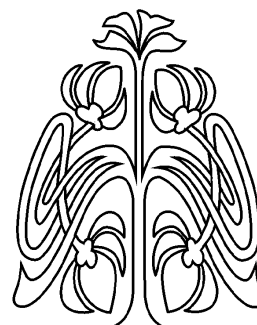
London and the towns of Continental Europe in the first period of the Hundred Years' War

L. N. Chernova

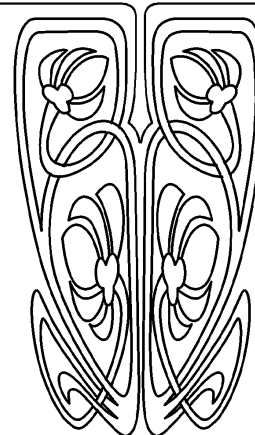
Saratov State University, 83 Astrakhanskaya St., Saratov 410012, Russia

Larisa N. Chernova, larisachernova@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-5379-1470>, AuthorID: 472830

Abstract. The article examines the relations between London and the cities of Continental Europe in the first period of the Hundred Years' War. It is shown that the beginning of the conflict for the citizens of London was associated with the need to strengthen the security of the city, supply armed detachments, subsidize the crown. London maintained contacts with the cities of Continental Europe, primarily Flanders, "English Gascony" and Normandy. The most important area of communication remained trade, which was implemented in various organizational forms,

**НАУЧНЫЙ
ОТДЕЛ**

with extensive use of credit. Also, the fields for interaction were the return of runaway apprentices, the solution of property and inheritance disputes, issues of compensation in case of robbery and murder of merchants. It is concluded that the Hundred Years' War created additional opportunities for enrichment, but also increased the risks that the citizens had to take into account.

Keywords: London, towns of Flanders, towns of France, Hundred Years' War, towns government policy, city defense, piracy, trade, credit, runaway apprentices, property and inheritance rights

For citation: Chernova L. N. London and the towns of Continental Europe in the first period of the Hundred Years' War. *Izvestiya of Saratov University. History. International Relations*, 2023, vol. 23, iss. 3, pp. 327–337 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2023-23-3-327-337>, EDN: YBLJEM

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC0-BY 4.0)

В 1337 г. начался затяжной, более чем на столетие, конфликт между Англией и Францией, известный как Столетняя война (1337–1453), которая изменила облик многих европейских стран и затронула все сословия. Причины этого столкновения, его этапы и событийная канва, влияние на социальное и политическое развитие стран-участниц широко представлены в историографии – зарубежной [1–6] и отечественной [7–9]. Однако тема «Столетняя война и город» на сегодняшний день не может считаться основательно изученной. И если на французском и фламандском материале она в определенной мере отражена в исследованиях (достаточно назвать работы Н. И. Басовской [10, 11], С. К. Цатуровой [12], которая в 2000 г. впервые специально затронула данную проблему, и А. А. Майзлиш [13–17]), то городам Англии повезло значительно меньше. Несмотря на наличие ряда публикаций [18–21], цельного представления о жизни английского средневекового города в условиях длительного военного конфликта между Англией и ее союзниками, с одной стороны, и Францией с союзниками – с другой, пока не сложилось. А ведь в ходе Столетней войны города впервые заявили о себе как о самостоятельной экономической, политической и военной силе, и успехи королей по обе стороны Ла-Манша во многом обеспечивались поддержкой горожан.

Далеко не лучшим образом, за исключением некоторых городов Фландрии [14, 16, 17], обстоят дела с изучением социально-экономического аспекта темы «Столетняя война и город». И это несмотря на то, что данный конфликт, трансформировавший конфигурацию привычных экономических, прежде всего, торговых связей, заставлял все стороны, так или иначе втянутые в войну, находить новые возможности и формы взаимодействия, адаптироваться к жизни в условиях общей нестабильности.

Попытаемся выяснить, как складывались отношения между Лондоном, с одной стороны, и городами континентальной Европы – с другой, на первом этапе Столетней войны (Эдвардианская война), уделив более пристальное внимание 1350–1360 гг. Выбор именно таких хронологических рамок диктуется содержанием основного источника, материал которого лег в основу данного исследования. Речь идет о «Письмах мэров и корпорации города Лондона

1350–1370 гг.» [22]. Всего в этом издании насчитывается 353 письма за период 1350–1370 гг. (за исключением 1358–1362 гг.), которые представляют собой официальные документы, скрепленные подписями и, как правило, печатью мэра английской столицы.

Подавляющее большинство посланий (182) адресовано властям 92 провинциальных английских городов [21, с. 321–322], а также королю Эдуарду III (1327–1377) и знатым вельможам Англии – светским и церковным. В города континентальной Европы из всего массива корреспонденции было направлено 72 послания, из которых 37, или более 51%, – в города Фландрии (графство выделялось высоким уровнем урбанизации и огромной ролью экспортного сукноделия [14, с. 180]), 17, или почти 24%, – Франции. Кроме того, мэры Лондона направляли письма в города Священной Римской империи (9 писем), Италии (4 письма), герцогства Брабант и графства Зеландия (по 2 письма), Португалии (1 письмо). Таким образом, почти 74% посланий предназначалось для фламандских и французских (прежде всего, гасконских (Бордо, Байонна) и нормандских (Руан, Онфлёр, Кан, Байё, Сен-Совер) городов – 7 писем, Амьен – 2 и Кале – 8), что вполне логично, учитывая традиционные связи Англии с Фландрией, Гасконью и Нормандией и обстоятельностью начала Столетней войны.

На характеристике контактов Лондона и городов Фландрии и Франции в 1350–1360-х гг. мы и сосредоточимся в данной статье. Это тем более интересно, что в течение многих веков отношения с Фландрией были для Англии чрезвычайно важны, что обуславливалось целым рядом факторов. Наряду с экономическими причинами (основу процветания и богатства фламандских городов составляло изготовление высококачественных шерстяных тканей, производившихся из экспортного английского сырья) с момента появления империи Плантагенетов в середине XII в. и начала ее противостояния с королями Франции появились и политические: Фландрия стала играть роль потенциального союзника Англии и удобного плацдарма для высадки войск на континенте и начала военных действий. Позднее графы Фландрии в основном выступали союзниками французских королей, в то время как фламандские города, постоянно находившиеся в конфликте со своими сеньорами, до 30-х гг.

XV в. часто вступали в союз с англичанами [5, р. 20; 14, с. 11]. В частности, городские советы Гента, Брюгге и Ипра в 1340 г. признали Эдуарда III королем Франции, а следовательно, и своим верховным правителем [5, р. 20; 16, с. 458].

Что касается городов Франции, то наибольший интерес представляют располагавшиеся в юго-западной части Гаскони – «последнем фрагменте «Анжуйской империи» первых Плантагенетов» [7, с. 115] и постоянном очаге англо-французских противоречий. Ценность этого английского владения на континенте определялась не только политическими, но и экономическими соображениями. Гасконь традиционно служила одним из важнейших источников доходов английской короны. Данная территория занимала выгодное для морской торговли географическое положение. Здесь было много водных артерий, высоко развитое сельское хозяйство и богатые города, особенно торговые и военные порты – Бордо, Байонна, Дакс [7, с. 116]. Англо-гасконские экономические интересы сблизилась не в последнюю очередь благодаря торговле вином [5, р. 24]. Горожане Гаскони во все трудные для английского короля времена, включая англо-французские войны в этом регионе (любые попытки практического воплощения идеи о возрождении обширных английских владений за Ла-Маншем неизбежно опирались на Гасконь), в подавляющем большинстве поддерживали Англию [7, с. 171].

Начало войны внесло новые краски в жизнь английской столицы, наполнив ее ощущением тревоги и стремлением властей обезопасить город. Именно об этом свидетельствуют королевские предписания и постановления городских властей Лондона, которые также привлекаются нами в качестве источников. Осенью 1338 г. появилось распоряжение Эдуарда III об укреплении города «против ожидаемого нападения французов», в котором король, обращаясь к мэру, олдерменам и шерифам Лондона, предупреждает, что «... наши враги, в немалом количестве собравшие на галерах, враждебным образом вторглись в наше королевство в разных частях и намереваются вскоре вторгнуться в наш город, чтобы совершить там такое зло и нечестивые дела, какие только смогут» [23, р. 202]. Видимо, имелись в виду события, связанные с очередной конфискацией французским королем Филиппом IV Красивым (1285–1314) Гаскони в мае 1337 г., и последовавшие вслед за этим высадкой англичан во Фландрии набеги французского флота на побережье Южной Англии [7, с. 178, 181]. Чтобы «обеспечить безопасность и оборону» Лондона, монарх приказал городским официалам «как можно быстрее закрыть город и укрепить его против враждебных нападений со стороны Темзы... принудив всех людей, имеющих недвижимость в городе, какого бы они ни были сословия, к организации

такой защиты» [23, р. 202]. При этом «отцы города» фактически наделялись чрезвычайными полномочиями: они могли использовать любые «способы и средства», которые сочтут «наиболее целесообразными, не щадя никого... ради обороны Лондона» [23, р. 202–203].

Похожее распоряжение короля было адресовано «мэру, олдерменам и общине города Лондона» в августе 1370 г., после того, как французы смогли нанести значительный урон армии сэра Роберта Ноллиса в Бретани и войскам Черного Принца в Гаскони [7, с. 231]. Вновь, как и осенью 1338 г., столице угрожали «галеры с множеством вооруженных людей на борту» [23, р. 344], которые «намеревались... уничтожить жителей этого города и сотворить там другие злодеяния» [23, р. 344]. Мэр Джон Чичестер 10 августа 1370 г. созвал олдерменов и горожан – представителей общины, которые решили: «Чтобы противостоять злонамеренным замыслам... врагов нашего господина короля, а также для охраны кораблей нашего господина короля в водах Темзы и безопасности вышеупомянутого города... каждую ночь, пока будет необходимость... должна выставляться стража из 40 вооруженных людей и 60 лучников, которые согласились дежурить по очереди: во вторник – суконщики и портные; в среду – торговцы шелковыми и бархатными тканями и аптекари; в четверг – торговцы рыбой и мясники; в пятницу – кожевники и торговцы вином; в субботу – ювелиры и шорники; в воскресенье – торговцы скобяными изделиями, оружейники и резчики; в понедельник – сырмятники, изготовители шпор, изготовители луков и пояски» [23, р. 344–345]. Таким образом, защита Лондона была делом самих горожан – простых ремесленников, богатых и влиятельных купцов из «Больших ливрейных компаний» (торговцев шелковыми и бархатными тканями, суконщиков, торговцев рыбой и вином, ювелиров, торговцев скобяными изделиями).

Понятно, что обеспечение защиты города требовало немалых средств, не только людских, но и материальных затрат, которые ложились на плечи горожан, выплачивавших возросшие налоги и экстраординарные поборы [19, с. 274], предоставлявших внушительные суммы «в качестве помощи для защиты королевства» [22, р. 17]. В условиях войны, особенно в начальный ее период, весьма успешный для англичан, непосредственное участие в защите интересов своего государства, олицетворением которого был родной город (в данном случае – Лондон), порождало чувство сопричастности к победам на поле боя, способствовало укреплению национального самосознания.

Лондонские купцы, отнюдь не бескорыстно, активно субсидировали Эдуарда III, который остро нуждался в средствах для покрытия военных расходов. Выгоды были очевидны и, в первую очередь, это право беспопытной

торговли, откупная система и спекуляции на шерсти, чем широко пользовались деловые люди. В этой связи представляет интерес соглашение 1337 г., которое было заключено между королем и компанией из 105 английских купцов во главе с Уильямом де ля Поулом [24] и Реджинальдом Кондюи. Согласно условиям этого соглашения купцы должны были закупить в Англии 30 тыс. мешков шерсти и выплатить королю из денег, полученных от монополевой продажи ее за границей, 200 тыс. фунтов. При этом, закупая шерсть по цене примерно 5 фунтов за мешок, предполагалось реализовать ее по 8–9 фунтов. Правда, к осени 1337 г. удалось собрать в Дордрехте, который был в числе континентальных городов, обладавших стапельными правами, только 11500 мешков, поскольку производитель шерсти не желал продавать ее по столь грабительским ценам. Испытывая потребность в деньгах, Эдуард III конфисковал собранную шерсть в казну (знаменитый «Дордрехтский захват»). Купцы получили по 2 фунта за мешок при ожидавшихся 5 фунтах (необходимо учитывать расходы на сбор и перевозку – примерно один фунт). На сумму 65 тыс. фунтов Эдуард выдал купцам долговые обязательства: они должны были покрываться за счет освобождения от части вывозных пошлин на шерсть [25, р. 57, 91–93]. Большая часть купцов была разорена, но наиболее состоятельные – Уильям де ля Поул и Реджинальд Кондюи – смогли извлечь немалую выгоду из создавшегося положения: они скупили долговые обязательства и благодаря этому монополизировали торговлю шерстью [26, р. 148–150]. Показательно, что в том же 1337 г. Уильям де ля Поул закупил 205 мешков шерсти в Линдсее (графство Линкольншир), для экспорта через Халл [27, р. 1017]. А к 1339 г. он стал главным финансистом короны, предоставив ей займов на сумму 14333 фунтов 6 шиллингов 8 пенсов [28, р. 124].

Известно, что в 1351 г. лондонские купцы обладили долговыми расписками короля на сумму свыше 60 тыс. фунтов [29, с. 342]. С этой точки зрения интересна жалованная грамота «мэра Ричарда Кислбари, олдерменов и общины города Лондона», датированная 25 апреля 1351 г., по которой Эдуард III получал от столичного мэра, 4-х олдерменов и еще 11-ти горожан 20 тыс. марок «от пошлин и субсидий, взимаемых в порту Лондона с шерсти, выделанной кожи и овчин, в качестве помощи для защиты королевства» [22, р. 16–17].

Важным залогом успехов Англии на первом этапе конфликта стала хорошо организованная армия, основу которой составляли наемная пехота (лучники) и рыцарские отряды, а средства на формирование и содержание которой среди прочих предоставляли горожане столицы, в первую очередь, купцы. Среди городских документов сохранился своеобразный

отчет о расходовании денежных средств из казны Лондона «Выплаты людям, посланным городом на помощь королю в его войне с Францией», датированный 1338 г. Из отчета следует, что город предоставил Эдуарду 100 вооруженных людей: 40 всадников и 60 лучников. На их экипировку и содержание было израсходовано 137 фунтов 11 шиллингов 7 пенсов. Конкретная смета выглядела следующим образом: «Выплачено 40 всадникам за их оружие и в качестве жалованья 60 фунтов, 60 лучникам за их луки, стрелы, другие предметы первой необходимости и в качестве жалованья – по 30 фунтов; вышеупомянутым всадникам и лучникам по приказу мэра и олдерменов – 10 фунтов; Уильяму Хаутейну и Уильяму Мейлсеру за их труды по отбору упомянутых 100 человек, по указанию мэра и олдерменов, – 40 шиллингов; на покупку 346½ локтей красной и зеленой ткани для платьев – 22 фунта 19 шиллингов 9 пенсов; на покупку 70 комплектов покрывал для их капюшонов – 4 фунта 7 шиллингов 6 пенсов; для изготовления таких платьев и капюшонов – 100 шиллингов; Николасу де Абиндону, сержанту, за сопровождение указанных людей к нашему господину королю в Ипсвич – 4 марки; за покупку штандарта, флага и трубы, а также за перевозку оружия – 11 шиллингов» [23, р. 202].

Еще более красноречиво письмо «мэра Томаса Лэгги, олдерменов и общины города Лондона» от 3 октября 1355 г., в котором сообщалось, что «в помощь королю в войне с Францией направлены 500 лучников, конных и пеших, во главе с капитаном Томасом Роусом и пятью сопровождающими на срок в 40 дней» [22, р. 67]. Интересно, что и для горожан Лондона сохраняется присущий феодальному обществу принцип службы вассала своему сеньору на протяжении 40 дней. Послание заканчивается словами: «Боже Всемогущий, даруй ему (Эдуарду III. – Л. Ч.) благодать долго царствовать и одержать победу над его врагами» [22, р. 67]. Сам факт появления данного послания связан с тем, что в 1355 г. возобновилась военная кампания англичан во Франции, которой руководил наместник Бордо Эдуард Черный Принц. Понятно, что требовалось усиление армии, в чем приняли участие и лондонцы. Эта кампания закончилась разгромом французских войск у Пуатье 19 сентября 1356 г. и пленением короля Иоанна II Доброго (1350–1364).

Отклик на данные события мы находим среди писем, сохранившихся в архиве лондонского Гилдхолла. Речь идет о послании Папы Римского Иннокентия VI (1352–1362), скорее всего, от 11 октября 1356 г., т. е. спустя меньше месяца после битвы при Пуатье, «своему самому дорогому сыну во Христе Карлу IV, императору Римскому» [22, р. 115]. Понтифик пишет, что «был сильно огорчен известием ... о пленении Иоанна, короля Франции, во время сражения

за его страну, о захвате в плен и гибели многих князей и вельмож» [22, р. 115]. Иннокентий отмечает, что церковь пыталась организовать переговоры между королями Англии и Франции, но безрезультатно и возлагает большие надежды на императора Священной Римской империи. Напомним, что именно с благословения Иннокентия VI императором Священной Римской империи в апреле 1355 г. был коронован Карл IV Люксембург. Кроме того, в значительной степени благодаря стараниям этого папы в 1360 г. был заключен тяжелейший для Франции мир в Бретины [5, р. 45].

Тем не менее на фоне разворачивающихся военных действий, мобилизации денежных ресурсов, усилий властей и общества для целей войны главной темой писем лондонских мэров, адресованных властям городов континентальной Европы, оставалась торговля и то, что с ней непосредственно связано, что сопутствовало ей в тот период. Объяснение этого факта весьма простое: боевые действия и общая нестабильность существенно затронули, прежде всего, торговлю – этот краеугольный камень, на котором базировалось процветание Лондона.

По содержащейся в корреспонденции информации можно выявить ассортимент товаров, объемы торговли и ее организацию, возникавшие финансовые и имущественные проблемы и способы их разрешения. Рассмотрим эти аспекты в отношении городов Фландрии и Франции.

Коммерческие интересы столичных английских купцов распространялись на целый ряд фламандских городов: Брюгге (один из крупнейших наряду с Гентом и Ипром центров графства Фландрия, со значительными доходами от морской торговли и финансовых операций – 24 письма из 39), Слэйс (или Эклоз – гавань Брюгге, важный центр европейской торговли – 6 писем. Через него шла торговля с Брюгге (разгрузка и перегрузка товаров), но последний всячески «душил» развитие Слэйса, чтобы избежать серьезной конкуренции с его стороны, а максимальное развитие этого города приходится уже на более поздний период – конец XIV–XV в.). Гент, Дендермонде (важный торгово-производственный центр, основой экономики которого было производство сукна), Дюнкерк, Бирвлит, Ньивпорт (считался важным стратегическим пунктом на побережье в пограничном с Кале регионе, где строились и продавались корабли, в 1364 г. была учреждена ярмарка [17, с. 220, 226]). И одно письмо было адресовано графу Фландрскому. Среди городов Франции в посланиях лондонских мэров упоминаются Амьен, Ла-Рошель (до XV в. город оставался самым крупным портом Франции на атлантическом побережье; торговля велась, прежде всего, вином и солью), Байонна, Бордо, Руан, Онфлёр (был ключом к навигации по Сене и снабжению Парижа и Руана) и Кан. И, конечно, письма

направлялись в Кале, с 1347 г. ставший опорным пунктом англичан на континенте. С 1363 по 1369 г. здесь находился Стапль, и торговые операции были ориентированы именно на этот город [19, р. 274].

Ассортимент торговли с фламандскими городами, представленный в письмах, – это шерсть, вайда, окрашенные ткани, древесина, вино, масло, эль, соль, оловянные сосуды, шпоры и некие «другие товары» [22, р. 4, 10–11, 15–16, 26, 36, 58, 72, 97–98, 116]. Из городов Франции вывозили вино, вайду и красную краску для окрашивания ткани (возможно, марену), пряности и специи, мех горносталя [22, р. 21, 25, 71, 100, 129–130, 147], поставляя туда преимущественно олово и окрашенное шерстяное сукно [22, р. 95–96, 146–147].

По письмам можно выявить разнообразные формы организации торговли. Прежде всего, лондонские купцы, находившиеся в городах Фландрии, использовали фламандских же горожан в качестве посредников или доверенных лиц, которым поручали реализовать в Лондоне купленный во Фландрии товар. Типичный пример из письма мэра Ричарда де Кислбари 1350–1351 г., адресованного бургомистрам и эшевенам г. Дендермонде, основой экономики которого было производство сукна: «Роберт де Манингфельд, горожанин Лондона ... находясь в вашем городе, доверил два куска окрашенной ткани стоимостью 12 марок Яну Скову, бюргеру этого города, с целью их продажи в Лондоне» [22, р. 4].

Правда, нередко ситуация оборачивалась не в пользу лондонцев. Упомянутый Ян Сков, получив от Роберта де Манингфельда ткани, «внезапно и тайно покинул город Дендермонде во Фландрии, ничего не заплатив упомянутому Роберту» [22, р. 4]. Именно это и вызвало появление письма мэра Лондона: «Обращаемся к вам с просьбой, чтобы вы заставили вышеупомянутого Джона, который, как нам известно, сейчас находится в вашем городе, выплатить упомянутому Роберту долг, возместить понесенные расходы и ущерб» [22, р. 4].

Столичные английские купцы в принципе могли использовать торговцев из фламандских городов в качестве посредников, которым доверяли реализацию товаров. Один из распространенных случаев: в 1364 г. Джон Хорн, горожанин Лондона, доверил Жану Картену, «одному из горожан города Дюнкерка во Фландрии», 14 пайпов (ок. 6 680 л) и 3 бочки эля (ок. 665,3 л) стоимостью 15 ливров, чтобы тот продал товар и выплатил лондонцу вырубку. Правда, Жан Картен деньги Джону Хорну не вернул, что и стало причиной обращения мэра и олдерменов Лондона к «горожанам города Дюнкерка во Фландрии» [22, р. 116].

Фламандские купцы нередко осуществляли торговлю через своих слуг, а фактически торговых агентов, находившихся в Лондоне (и во всей

Англии). Известно, например, что некий Виллем ван Забек был слугой Яна Хокмана, торговца тканями из Гента, его доверенным лицом в Англии [22, р. 11].

Похожая картина наблюдалась и в торговле с городами Франции. Лондонцы также использовали торговых агентов, которыми чаще всего были слуги. Из письма мэра Ричарда Кислбари (1350–1351), направленного в Бордо, выясняется, что «Роберт Хоунли, слуга Уильяма Хэйрона, горожанина Лондона, недавно купил от его имени у Гильома де ла Тура, купца из Байонны, 15 бочек и один пайп вина по 22 кроны за бочку, и у Стендона Лэббота, горожанина Бордо, 6 бочек вина «Медок» по такой же цене...» [22, р. 21].

Английские купцы действовали во Франции через доверенных лиц, а фактически посредников, которые должны были продать тот или иной товар, а затем выплатить его владельцу вырученную от продажи сумму. Именно такой случай зафиксирован в письме мэру и бейлифам Руана, направленном из Лондона 16 августа 1364 г. Робер Блан, моряк, проживавший в Руане, должен был вернуть остаток долга Томасу Нотерну, горожанину Лондона, «за вино, доверенное ему для продажи» [22, р. 100].

Для организации поставки и реализации товаров создавались небольшие объединения купцов из Лондона и городов Фландрии. В частности, Уино де Реуле из Брюгге отправлял вайду в Англию, а Джон де Гонуодби и Джон де Дефам, горожане Лондона, получали ее и продавали в Лондоне. Стоимость 8-ми бочек вайды, о которых идет речь в письме, составляла 50 фунтов [22, р. 15].

Непосредственно лондонские торговцы создавали малые, как правило, семейные объединения для торговли с Фландрией. В этом отношении представляет интерес послание мэра Лондона Адама Фрэнси (1352–1354) бургомистрам и эшевенам Брюгге, в котором упоминаются два брата – Мэтью Рестор, ювелир, и Джон Рестор, закупившие шерсть на сумму в 17 фунтов 8 шиллингов 11 пенсов у Джона де Трипла, горожанина Лондона. При этом Мэтью находился в Лондоне и оплачивал эту партию шерсти, а Джон проживал в Брюгге и там реализовывал полученный товар [22, р. 53].

Французские купцы также объединяли свои усилия в торговле с лондонцами. Так, в 1366 г., находясь в Глостере, торговую сделку заключили Анри Ангар, Пьер де Круа и Пьер Тальмар, горожане Амьена, с одной стороны, и Джон Пайкенхем, горожанин Лондона, с другой. Амьенцы приобрели у лондонского торговца 200 кусков шерстяной ткани разных цветов на 1200 фунтов, причем часть этой суммы (680 фунтов) они должны были возместить вайдой [22, р. 146–147].

А Пьер Надон де Мендьё, купец из Байонны, самостоятельно «в праздник Пятидесятницы, в 1351 году от Рождества Христова, продал

в городе Лондоне Джону де Гонуодби, торговцу пряностями, 165 фунтов красной краски для ткани, которая была в бочке, вмещающей один пайп, и 32½ фунта “зерен Парижа”, или “Райских зерен”, специи, привезенной из Ост-Индии» [22, р. 25] (речь идет о кардамоне).

В торговле лондонцев и с фламандскими, и с французскими горожанами использовался корабельный фрахт. Известно, например, что Питер Граббе, горожанин и торговец рыбой из Лондона, зафрахтовал судно, владельцем и капитаном которого являлся Ян Брабард, проживавший в Слэйсе. За специально оговоренную сумму он собирался отправиться на этом корабле из Лондона в Уинчелси, чтобы загрузить 12 тыс. бревен древесины и доставить их в Лондон [22, р. 15–16]. Томас де Уэр, горожанин Лондона, зафрахтовал судно под названием «Рождество» капитана Джона атте Нэша и загрузил его в порту Лондона вином, маслом, оловянными сосудами, шпорами и другими товарами на сумму 231 фунтов 10 пенсов для отправки на континент, в Брюгге [22, р. 36].

Французские купцы тоже использовали фрахт торговых судов для доставки груза в Лондонский порт, прибегая к услугам не только англичан, но и фламандцев, брабантцев и пр. В частности, Бернард Пейн, бюргер из Бордо, нанял за оговоренную сумму «хейкбот» (лодка с люком или палубным покрытием. – Л. Ч.) капитана Арно Стейлина из Слэйса, который затем был загружен вином и отправлен из Фландрии в порт Лондона, куда благополучно прибыл [22, р. 71]. Французские вина из Ла-Рошели доставляли в Англию купцы из Брюсселя (герцогство Брабант). В частности, Рейнер ван Махбек и Йохан Ретин, проживавшие в Брюсселе, на корабле, шедшем из Ла-Рошели, везли в Лондон вино стоимостью 500 ливров [22, р. 29–30].

Большую роль в осуществлении торговли играл кредит, оформлявшийся при помощи долговых обязательств (bonds), которые были неотъемлемыми спутниками торговых отношений. Тема долгов, необходимости погашения долговых обязательств – одна из наиболее часто встречающихся в письмах лондонских градоначальников. Именно из-за проблем с возвратом долга мэр Томас Легги (1354–1355), «олдермены и община города Лондона» обратились к «благороднейшему и почтенному лорду графу Фландрскому» [22, р. 70], каковым в то время был Людовик Мальский (1346–1384). Его светлость просят посодействовать «горожанину Лондона Джону Сэлману в погашении долговых обязательств, полученных некоторое время назад от Яна де Изендика из Ньивпорта во Фландрии, который публично признал свой долг перед упомянутым Джоном Сэлманом, но затем скончался» [22, р. 70–71]. В самом конце послания есть любопытное дополнение, которое наводит

на мысль о том, что лондонец не останется в долгу перед графом за его любезность: «Если его светлость пожелает чего-либо с его (Джона Сэлмана. – Л. Ч.) стороны, то он должен лишь дать знать о своем желании» [22, р. 71].

Конкретных примеров, свидетельствующих о широком распространении долговых обязательств, можно привести множество. Они фиксируют разные формы кредита: товарный, когда товары продавались, а оплата их предполагалась в течение более или менее длительного срока; авансирование под товары или фактически денежный кредит; коммерческий кредит, включавший в себя и денежный, товарный кредиты, и позволявший ускорить реализацию товаров и весь процесс оборота капитала [30].

Остановимся на отдельных, наиболее показательных случаях. Уолтер де Келстерн, горожанин Йорка, приобрел в долг у торговца тканями из Гента Яна Хокмана 24 куска ткани, подтверждением чего стало долговое обязательство на 56 фунтов. Эту сумму Уолтер возместил шерстью и шерстяными тканями, которые он передал торговому агенту Яна в Англии [22, р. 11].

Послание мэра Лондона Ричарда Кислбери (1350–1351) властям Гента было обусловлено тем, что агент и доверенное лицо Яна Хокмана Виллем ван Забек своевременно не известил своего хозяина о возмещении долга, что привело к недопониманию. Уолтер был вынужден представить «купцов и других заслуживающих доверия людей, которые засвидетельствовали, что оплата была произведена вышеуказанным способом. Поэтому просим вас принять это свидетельство и ... возместить Уолтеру де Келстерну ущерб и понесенные расходы к взаимной пользе: отнесите к Уолтеру де Келстерну так, как вы хотели бы, чтобы к вашим людям относились в такой ситуации. Храни вас Господь» [22, р. 11].

Горожанин Брюгге Жиль атте Гардин задолжал крупную сумму в 400 фунтов Адаму Брабисону, торговцу рыбой и горожанину Лондона [22, р. 83–84]. Ян ле Уайт, горожанин Дюнкерка, должен был выплатить Уильяму де Брейнфорду, горожанину и торговцу рыбой Лондона, сумму в 12 золотых крон, а также 3 бочки соли стоимостью 12 фунтов, «которые он одолжил Яну, а тот не вернул» [22, р. 58]. А Пьер Плейт, бюргер из Слэйса, возместил Обри, вдове и душеприказчице Джона де Бедфорда, покойного горожанина Лондона, 7 ливров по долговому обязательству, что публично засвидетельствовали сама Обри и «множество других заслуживающих доверия людей» [22, р. 43].

Надо полагать, что власти городов Фландрии на фоне обилия обращений лондонских мэров по поводу долгов не всегда реагировали должным образом, как того ожидали в Лондоне. Иначе чем объяснить фразу, которой заканчивается одно из писем в адрес бургомистров и эшевен

Брюгге: «Если бы вы чего-то действительно пожелали, вы были бы готовы сделать все, что в ваших силах. Да хранит вас Господь» [22, р. 84].

Должниками лондонских купцов были и торговцы из французских городов. Из обращения к мэру Бордо 8 марта 1364 г. известно, что Томас де Кавендиш, торговец шелковыми и бархатными тканями Лондона, одолжил 80 фунтов Уильяму Кэбану, горожанину Лондона, и Арнольду де Малену, торговцу из Бордо, которые те еще не вернули [22, р. 120–121]. В этом случае важно отметить совместную коммерческую деятельность торговцев из Лондона и Бордо, что не удивительно, учитывая прочные связи между Англией и Гасконью.

Остановимся также на письме, направленном мэру и эшевенам Амьена, из которого следует, что Жан де Труссе и Тебо де Труссе, купцы из этого города, были связаны с лондонским купцом Джоном де Стоди долговым обязательством на 88 фунтов 8 шиллингов. Эту сумму они должны были заплатить Джону в Лондоне еще на прошлое Рождество. А Жан де Труссе и Гильом Море, еще один купец из Амьена, также имели перед Джоном де Стоди долговое обязательство на 112 фунтов 14 шиллингов 4 пенса. Возместить этот долг они должны были 15 июля прошлого года. Однако «ни одна из этих сумм не была выплачена к его (Джона де Стоди. – Л. Ч.) большой потере. Поэтому мы желаем, – пишет мэр Лондона Саймон де Модон, – чтобы вы заставили упомянутых Жана де Труссе, Тебо де Труссе и Гильома Море всеми законными и разумными способами выплатить упомянутому Джону де Стоди вышеупомянутые суммы как можно скорее и к взаимной пользе, таким образом, как вы бы хотели, чтобы с вами обращались в подобном случае. Да пребудет с вами всегда Святой Дух» [22, р. 163].

В двух письмах, адресованных мэру и олдерменам Кале [22, р. 150, 153–154], обозначена еще одна тема – возврат беглых учеников, которые до окончания установленного срока обучения бежали от своих мастеров и нашли убежище в стенах этого города. Процитируем обращение мэра Джона Лоувкина и олдерменов Лондона к мэру и олдерменам г. Кале, датированное 28 августа 1367 г.: «Свидетельствуем, что Томас, сын Уильяма Кредита, был надлежащим образом определен в обучение к Томасу атте Нокету, горожанину и торговцу сукном Лондона, на срок в 12 лет, но внезапно оставил своего мастера и, как полагают, проживает в городе Кале» [22, р. 153]. Далее высказывается желание, чтобы мэр и олдермены Кале «помогли Томасу атте Нокету или его доверенному лицу, предъявителю этого письма, вернуть упомянутого ученика» [22, р. 154]. Отметим, что в условиях начинавшегося «замыкания» цеха вопрос о беглых учениках из Лондона поднимался во многих письмах, направленных столичными властями

в провинциальные английские города [21, с. 327]. Кале в этом отношении представляет исключение: больше ни в один из континентальных городов, включая города Франции и Фландрии, подобные просьбы из Лондона не направлялись. Очевидно, что, с одной стороны, Кале, хотя уже и находился под английским управлением, но был за пределами островной Англии, и, видимо, это давало надежду на большую свободу. С другой стороны, связи с этим городом были настолько прочными, что он не воспринимался как совершенно чужой.

Однако проблемы долговых обязательств и беглых учеников были не единственными и не самыми трудноразрешимыми. Случались разного рода казусы (не всегда связанные с войной), которые требовали вмешательства городских властей Лондона и определенной реакции как с их стороны, так и со стороны их адресатов. Так, упоминавшиеся 8 сточек вайды были конфискованы в пользу английского короля в Сэндвиче. Джон де Гонуодби вместе с Джоном де Дефамом по просьбе Уино де Реуле из Брюгге, который и отправлял вайду в Англию, вынуждены были подать иск королю о возврате вайды и «после многих хлопот и расходов им удалось вернуть вайду и привезти ее в Лондон» [22, р. 10], о чем столичный мэр информировал власти Брюгге. Пока шло разбирательство, Уино де Реуле пошел на решительные меры, чтобы компенсировать потери: по его иску в Брюгге были конфискованы товары Джона де Гонуодби «на всю сумму стоимости вайды, вопреки закону и здравому смыслу» [22, р. 10]. Лондонские власти просят своих «коллег» из Брюгге помочь Джону «к взаимной пользе: отнеситесь к Джону де Гонуодби так, как вы хотели бы, чтобы к вашим людям относились в такой ситуации. Храни вас Господь» [22, р. 10].

Все не по плану сложилось и у лондонского торговца рыбой Питера Граббе. Капитан зафрахтованного им корабля Ян Брабард из Слэйса действительно отвел судно в Уинчелси, но, погрузив 12 тыс. бревен древесины стоимостью 16 марок, доставил их вовсе не в Лондон, а в Дюнкерк, «вопреки закону и разуму, и там продал все упомянутые бревна, а вырученные деньги присвоил» [22, р. 15–16]. «Нам известно, – пишут мэр и олдермены Лондона, обращаясь к бургомистрам и эшевенам Слэйса, – что Ян Брабард проживает в вашем городе. Поэтому мы очень просим, чтобы он объявился и вел себя достойно по отношению к упомянутому Питеру» [22, р. 16]. Надо полагать, что власти Лондона призывают таким образом городской совет Слэйса содействовать выполнению обязательств, взятых на себя их горожанином. К сожалению, неизвестно, чем завершилась эта история, но, судя по тому, что больше обращений по данному поводу не последовало, все разрешилось благополучно для английской стороны.

Иногда городским властям Лондона и городов Фландрии приходилось информировать своих коллег о кончине тех или иных горожан и решать вопросы, связанные с наследством. Так, мэр Ричард де Кислбари и олдермены английской столицы 15 августа 1351 г. проинформировали бургомистров и эшевенгов Брюгге о том, что «Питер Меденх, фламандец из Брюгге, умер в доме Мод Элейнс, горожанки Лондона, в приходе св. Ботольфа на Биллинггейт, в пятницу после праздника Святой Троицы» [22, р. 19]. Можно предположить, что фламандец был не просто постояльцем в доме лондонской горожанки, а их связывали более тесные отношения. На взаимные матримониальные интересы прямо указывает послание мэра Адама Фрэнси бургомистрам и эшевенам Слэйса от 10 ноября 1352 г., в котором подтверждаются наследственные права горожанки Лондона в связи со смертью ее сестры во Фландрии и возникшими проблемами: «Джоанна, младшая дочь Уорина Фаттинга, горожанина Лондона и предъявителя сего письма, является ближайшей наследницей Джоанны, ее сестры, старшей дочери того же Уорина, покойной жены Оливера Веринга, бюргера вашего города, которая умерла, лишившись земель и домов в вашей стране» [22, р. 41–42]. Представители городской власти Лондона просят своих коллег в Слэйсе помочь Джоанне «в отстаивании ее права собственности к взаимной пользе: так, как вы хотели бы, чтобы с вашими людьми поступали в подобном случае» [22, р. 42]. Обращает на себя внимание постоянное повторение этой фразы в письмах. Следует акцентировать на ней внимание как на одной из основ, к которым пытаются апеллировать английские власти, выстраивая отношения с властями других городов.

Три письма были направлены властям Брюгге в связи с кончиной в этом городе горожанина Лондона Роджера Поттера. В первом обращении, датированном 27 февраля 1351 г., мэр Эндрю Обри и олдермены подтверждают права Томаса Чейнера, торговца шелковыми и бархатными тканями и горожанина Лондона, как законного наследника почившего: «Согласно свидетельству заслуживающих доверия лиц, Томас Чейнер является двоюродным братом Роджера Поттера и его ближайшим наследником. Поэтому мы очень просим вас помочь упомянутому Томасу или его доверенному лицу, предъявителю сего письма, во всех вопросах, касающихся смерти упомянутого Роджера, к взаимной пользе: так, как вы хотели бы, чтобы к вашим людям относились в такой ситуации» [22, р. 28]. Видимо, власти Брюгге запросили более весомые доказательства родства упомянутых персон, на что получили следующий ответ: «Поняв, что требуется более полная информация о наследственных правах упомянутого Томаса, мы изучили свидетельства добрых и заслуживающих доверия горожан и выяснили, что Генри Чейнер, отец

упомянутого Томаса, и Роджер Поттер произошли от двух братьев, и что у упомянутого Роджера не было выжившего наследника, кроме указанного Томаса, который получил все его земли и дома в Англии в качестве законного наследника» [22, р. 37]. Заканчивается это послание (к сожалению, оно не датировано) уже в довольно требовательном тоне: «... Просим навести справки об имуществе упомянутого Роджера в вашей стране и распорядиться, чтобы оно было доставлено упомянутому Томасу без дальнейшего промедления» [22, р. 37]. В ответ власти Брюгге заявили о своем желании «знать количество товаров, принадлежавших Роджеру Поттеру в Англии во время его пребывания и болезни во Фландрии» [22, р. 44]. Представители городского муниципалитета Лондона провели расследование и установили, что «...все имущество упомянутого Роджера после уплаты его долгов составило 16 фунтов английскими деньгами» [22, р. 44], о чем и проинформировали бургомистров и эшевенгов Брюгге в письме мэра Адама Фрэнси и олдерменов 29 января 1352 г. Кроме того, «на основании показаний заслуживающих доверия людей, которые присутствовали при его (Роджера. – Л. Ч.) смерти в доме Яна Реммакера из Слэйса, доказано, что при нем обнаружено 63 нобля и 20 шиллингов, а также вексель на 120 фламандских крон, которые были переданы Якову Марестаплу, бюргеру Брюгге, в присутствии свидетелей» [22, р. 44–45]. И далее: «... Если какая-либо часть вышеперечисленного (имущества. – Л. Ч.) будет использована упомянутым Якобом или кем-либо другим иначе, нежели в соответствии с обычаями и законами Фландрии, законному наследнику или Джону Хенкелю, его доверенному лицу, должно быть выплачено возмещение» [22, р. 45]. Видимо, вопрос был исчерпан, и какого-либо продолжения не последовало.

В некоторых письмах лондонских мэров слышны и явные отголоски войны. Вопиющий случай зафиксирован в послании бургомистрам, эшевенгам и советникам г. Брюгге от 25 июля 1352 г. Судно «Рождество» капитана Джона атте Нэша, зафрахтованное горожанином Лондона Томасом де Уэром, вместе с другими английскими судами было атаковано 4-мя фландрскими кораблями, «полными вооруженных грабителей, которые захватили все товары на судне упомянутого Томаса и убили некоторых из людей, находившихся на борту, в то время как другие английские суда потерпели крушение» [22, р. 36]. По мнению А. А. Майзлиш, пиратство, наряду с рыболовством, являлось важным занятием населения прибрежных городов Фландрии в условиях ведения войны на море между Англией и Францией и наносило серьезный ущерб международной торговле. В том числе пиратство подрывало позиции Брюгге, куда из-за угрозы захвата судов боялись плыть купцы из разных стран, а представители

этого фламандского города были вынуждены постоянно заниматься переговорами о реституции захваченных товаров и компенсации ущерба, наносимого иностранным купцам [17, с. 223]. «Нам особенно желательно, – отмечается в послании мэра Эндрю Обри, – привлечь их (грабителей. – Л. Ч.) к ответственности, чтобы упомянутый Томас мог вернуть то, что он потерял, и чтобы верные торговцы и моряки могли безопасно ходить по морю, как они привыкли» [22, р. 36].

Видимо, не брезговали разбоем и англичане. Об этом косвенно свидетельствует письмо 1352 г. бургомистрам, эшевенгам и «добрым людям» Брюгге и Слэйса, в котором мэр Лондона Эндрю Обри информирует о результатах расследования, проведенного на основании жалобы на Роберта де Халла, капитана английского судна, который якобы протаранил и потопил «хэйк-бот» с людьми из Фландрии на борту у мыса Форленд в восточной оконечности острова Танет. «Подтверждаем, что дело было расследовано лучшими людьми города и моряками торгового флота, и упомянутый Роберт был признан невиновным в предъявленном ему обвинении и желает, чтобы ему было разрешено беспрепятственно покинуть свой корабль» [22, р. 27]. Сложно представить иной результат расследования, проведенного в отношении английского капитана самими же англичанами, да еще в военной обстановке.

Отразились в письмах и неприятные для англичан события на французской территории. Отношение англичан к городам Франции как к законной «награде» победителю спровоцировало повсеместное сопротивление горожан. Особую активность проявляли города Нормандии, где сильнее чувствовались тяготы войны. Еще накануне мира в Бретиньи нормандские горожане создали ополчение и сами вели боевые действия [12, с. 263], а во время перемирий продолжали борьбу, пытаясь нанести любой урон англичанам. 26 июля 1364 г. мэр Лондона Джон Нот был вынужден обратиться с посланием к «мэрам и эшевенгам, капитанам, бейлифам, шерифам городов Руан, Онфлёр, Кан, Байё и всем другим судьям добрых городов Франции в некоторых частях Нормандии» [22, р. 95]. Из текста письма следует, что «17 мая прошлого года один из кораблей, груженный 360 кусками белого олова из Корнуолла, направлявшийся в Лондон, был захвачен и ограблен моряками из Нормандии и другими (людьми. – Л. Ч.), груз был доставлен в замок «Маси-ан-Кутанс», в Онфлёр и в другие места и продан, а вырученные средства грабители разделили» [22, р. 96]. Далее, используя весьма жесткие формулировки, мэр пишет: «От вас требуется приложить все усилия, чтобы вернуть указанное судно и его груз, а также возместить владельцам их убытки, чтобы не было необходимости ставить этот вопрос

перед королем и его Советом и добиваться решения другими способами» [22, р. 96]. Риторика этого послания, особенно заключительной его части, свидетельствует о том, что лондонские мэры продолжали относиться к властям городов Нормандии с позиции силы, оставаясь в плену чувства превосходства англичан, хотя к моменту написания этого письма ситуация значительно изменилась. После смерти Иоанна II Доброго 8 апреля 1364 г. королем Франции стал Карл V, умело использовавший возникшую после подписания мира в Бретиньи передышку (1360–1369). Заключенный договор был вскоре нарушен, а война приняла другой оборот для Англии.

Таким образом, рассмотренный материал позволяет отметить, что начало Столетней войны привело к важным изменениям в жизни Лондона. Горожане и простые ремесленники, и состоятельные купцы вынуждены были тратить средства и силы для организации защиты своего города от возможного вторжения неприятеля, поставлять в армию Эдуарда III вооруженные отряды, снабжая их оружием, экипировкой и обеспечивая содержание, субсидировать корону, остро нуждавшуюся в покрытии военных расходов. Последнее было весьма прибыльным для купечества предприятием, хотя и небезопасным в силу того, что монарх не всегда расплачивался по долгам.

При этом сохранялись активные контакты Лондона с городами континентальной Европы, прежде всего, Фландрии и Франции (преимущественно «Английской Гаскони» и Нормандии), властям которых было направлено большинство посланий мэров столицы Англии. Важнейшую тему этой корреспонденции составляла торговля разнообразными товарами (от предметов обихода и продовольствия до роскошных изделий и сырья для ремесленного производства). Формы организации торговли включали в себя использование агентов и слуг для реализации и приобретения товаров, создание небольших торговых ассоциаций, фрахт торговых судов. Инструментом в торговых взаимоотношениях выступал кредит, оформлявшийся при помощи долговых обязательств. Властям Лондона приходилось прилагать немалые усилия, чтобы добиться от фламандских и французских горожан возврата долгов лондонским торговцам.

Зафиксированы в источниках и другие сферы для взаимодействия Лондона и континентальных европейских городов. Это возврат беглых учеников, нашедших убежище в Кале, решение сложных вопросов, связанных с наследственными правами лондонцев, ушедших в мир иной во фламандских городах. Следует особо отметить матримониальные связи, объединявшие горожан Лондона и торгово-ремесленных центров Фландрии, что, безусловно, подкрепляло

англо-фламандский экономический и политический союз на повседневном уровне.

Однако события и общая атмосфера Столетней войны накладывали свой отпечаток: процветали грабежи и убийства как на суше, так и на море, объектами которых зачастую становились английские (лондонские) купцы с их товарами и торговыми судами. Англо-французский конфликт, как и любая война, создавал дополнительные возможности для обогащения, но и увеличивал риски, которые должны были учитывать практичные горожане – будь то фримены Лондона или бюргеры из Фландрии и Франции.

Список литературы

1. Burne A. H. The Crecy War : A Military History of the Hundred Years War from 1337 to the Peace of Bretigny in 1360. London : Eyre & Spottiswoode, 1955. 366 p.
2. Burne A. H. The Agincourt War: A Military History of the Latter Part of the Hundred Years War, from 1369 to 1453. London : Eyre & Spottiswoode, 1956. 359 p.
3. Перруа Э. Столетняя война / пер. с фр. М. Ю. Некрасова. СПб. : Евразия, 2002. 480 с.
4. Фавье Ж. Столетняя война / пер. с фр. М. Ю. Некрасова. СПб. : Евразия, 2009. 656 с.
5. Curry A. The Hundred Years' War, 1337–1415. Oxford : Osprey Publishing, 2002. 96 p.
6. Corrigan G. A Great and Glorious Adventure: A Military History of the Hundred Years War and the Birth of Renaissance England. New York : Pegasus Books, 2015. 320 p.
7. Басовская Н. И. Столетняя война : леопард против лилии. М. : «АСТ» ; Астрель, 2003. 428 с.
8. Устинов В. Г. Столетняя война и Войны Роз. М. : АСТ ; Астрель ; Хранитель, 2007. 637 с.
9. Калмыкова Е. В. Образы войны в исторических представлениях англичан позднего Средневековья. М. : Квадрига, 2010. 684 с.
10. Басовская Н. И. Освободительное движение во Франции в период Столетней войны // Вопросы истории. 1987. № 1. С. 48–66.
11. Басовская Н. И. Столетняя война и рост социально-политической активности городского сословия // Городская жизнь в средневековой Европе / ред. Е. В. Гутнова. М. : Институт всеобщей истории, 1987. С. 220–238.
12. Цатурова С. К. Города в Столетней войне // Город в средневековой цивилизации Западной Европы : в 4 т. / отв. ред. А. А. Сванидзе. М. : Наука, 2000. Т. 4. С. 246–281.
13. Майзлиш А. А. Как королю Англии стать сюзереном Фландрии? (дипломатическая борьба за графство во второй половине XIV века) // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия : История. Международные отношения. 2012. Т. 12, вып. 2. С. 10–14. <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2012-12-2-10-14>
14. Майзлиш А. А. Такая разная Фландрия: монополия Гента, Брюгге и Ипра на производство тканей и ее пределы (XIV – первая половина XV в.) // Средние века. 2016. Т. 77, № 1–2. С. 180–204.

15. Майзлиш А. А. В поисках согласия: города и граф Фландрии в начале правления Людовика Мальского // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия : История. Международные отношения. 2018. Т. 18, вып. 4. С. 458–463. <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2018-18-4-458-463>
16. Майзлиш А. А. Границы и стены из привилегий? Городские сообщества и конкуренция в сукноделии в окрестностях Ипра в XIV в. // Известия Уральского федерального университета. Сер. 2, Гуманитарные науки. 2020. Т. 22, № 4 (202). С. 84–96. <https://doi.org/10.15826/izv2.2020.22.4.064>
17. Майзлиш А. А. Вдали от Брюгге: особенности развития средневековых портовых городов Западной Фландрии // Известия Уральского федерального университета. Сер. 2, Гуманитарные науки. 2022. Т. 24, № 3. С. 215–229. <https://doi.org/10.15826/izv2.2022.24.3.054>
18. Богодарова Н. А. Городские мотивы в английской политической поэзии XIV – начала XV вв. // Средние века. 1982. Вып. 45. С. 81–103.
19. Мосолкина Т. В. Английский город в политических событиях Англии в XIV–XV вв. // Город в средневековой цивилизации Западной Европы : в 4 т. / отв. ред. А. А. Сванидзе. М. : Наука, 2000. Т. 4. С. 273–281.
20. Золотов В. И. Общество и власть в позднесредневековой Англии XV века. Брянск : Курсив, 2010. 232 с.
21. Чернова Л. Н. Лондон и города Англии в 1350–1370 гг.: социально-экономический аспект взаимоотношений // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия : История. Международные отношения. 2022. Т. 22, вып. 3. С. 319–328. <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2022-22-3-319-328>
22. Calendar of Letters from the Mayor and Corporation of the City of London, A.D. 1350–1370, enrolled and preserved among the Archives of the Corporation at the Guildhall / ed. by R. R. Sharpe. London : Printed by John C. Francis, Took's Court, E.C., 1885. 223 p.
23. Memorials of London and London life, in the XIIIth, XIVth, and XVth centuries: Being a series of extracts, local, social, and political, from the early archives of the City of London, A.D. 1276–1419 / ed. by H. T. Riley. London : Longmans, Green, and Co., 1868. 800 p.
24. Яблонская О. В. Уильям де ла Поль: история падений и успеха «любимого купца» Эдуарда III // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия : История. Международные отношения. 2020. Т. 20, вып. 4. С. 497–503. <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2020-20-4-497-503>
25. Fryde E. B. William de la Pole. Merchant and King's banker (1366). London ; Ronceverte, W.Va. : Hambleton Press, 1988. 264 p.
26. Calendar of Close Rolls preserved in the Public Record Office : in 47 vols. Edward III: Vol. 4 : 1337–1339 / ed. H. C. Maxwell Lyte. London : H. M. Stationery Office, 1900. 850 p.
27. English Historical Documents : in 12 vols. Vol. IV (1327–1485) / ed. by A. R. Myers. London : Eyre & Spottiswoode, 1969. 1236 p.
28. Calendars of Letter-Books of the City of London, arranged in approximate chronological order. Includes editorial introduction and indices : in 11 vols. Vol. 9. Letter-Book I : 1400–1422 / ed. by R. R. Sharpe. London : His Majesty's Stationery Office, 1909. 393 p.
29. Репина Л. П. Лондон – столица и мегаполис // Город в средневековой цивилизации Западной Европы : в 4 т. / отв. ред. А. А. Сванидзе. М. : Наука, 1999. Т. 1. С. 341–348.
30. Яброва М. М. Развитие коммерческого кредита в Англии XIV–XV вв. // Средневековый город : межвузовский сборник научных трудов / под ред. С. М. Стама. Саратов : Издательство Саратовского университета, 1978. Вып. 5. С. 39–50.

Поступила в редакцию 10.02.2023; одобрена после рецензирования 19.02.2023; принята к публикации 12.04.2023

The article was submitted 10.02.2023; approved after reviewing 19.02.2023; accepted for publication 12.04.2023